ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-78-85

оригинальная статья
УДК 331.56

Вопросы нивелирования безработицы в современных условиях: ответная реакция государств

Салихбек Габибулаевич Абдулманапов
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Россия, г. Махачкала

Заур Уруджалиевич Меджидов
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Россия, г. Махачкала
Zaur-medzhidov@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6008-1661

Поступила в редакцию 18.01.2021. Принята в печать 17.02.2021.

Аннотация: В современных экономических условиях ключевыми аспектами стратегии государственного развития выступают обеспечение социально-экономической стабильности государства, повышение уровня качества жизни населения, снижение безработицы, что оказывает непосредственное влияние на конкурентоспособность страны и уровень национальной безопасности. В настоящее время с учетом ситуации пандемии коронавируса COVID-19, а также новой волны мирового экономического кризиса одним из наиболее актуальных вопросов является сдерживание роста безработицы и применение мер социальной защиты безработного населения. Цель работы – определить потенциальные проблемы роста безработицы в глобальном аспекте и дать рекомендации по их локализации и нивелированию. Для достижения цели необходимо решить ряд задач: проанализировать прогнозы российских и международных экспертов о состоянии мирового рынка труда в результате влияния пандемии, провести оценку особенностей и основных тенденций развития мирового рынка труда, изучить последствия распространения пандемии COVID-19, повлекшей значительный рост безработицы в мире в начале прошлого года, систематизировать меры социальной поддержки безработного населения в странах, наиболее пострадавших от влияния пандемии. Объект исследования – мировой рынок труда, предмет – организационно-экономические отношения, тенденции и закономерности, возникающие на рынке труда. В заключении предложены мероприятия по недопущению роста безработицы на мировом уровне.

Ключевые слова: мировой рынок труда, социальная поддержка безработных, уровень безработицы, кризис, антикризисные меры, пандемия, коронавирус, COVID-19

Цитирование: Абдулманапов С. Г., Меджидов З. У. Вопросы нивелирования безработицы в современных условиях: ответная реакция государств // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 78–85. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-78-85

Введение

С давних пор считается, что наличие безработного населения обозначает, что страна имеет меньший объем ВВП по сравнению с объемом при полной занятости, из-за чего труд используется не в полной мере. Неэффективное использование трудовых ресурсов влечет нерезультативное применение природных ресурсов, транспорта, производственных зданий и оборудования. Исходя из этого сокращаются объемы национального производства. Еще в законе Оукена установлено, что любое увеличение уровня безработицы, как правило, ведет к падению объема реального ВВП. Таким образом, существует обратная связь между безработицей и ВВП [1].

Методам оценки эффективности в общественном секторе посвящены труды таких ученых, как С. А. Марглин [2], Э. Дж. Мишан [3], Р. А. Масгрейв и П. Б. Масгрейв [4], Дж. Стиглиц [5]. Работы по бюджетированию, ориентированному на результат, написаны М. П. Афанасьевым и Н. Н. Шаш [6], Е. В. Берездивиной [7], Н. М. Сивашевой [8], Г. П. Хатри [9]; по социальной политике – С. Н. Смирновым [10], Т. Ю. Сидориной [11].

В течение последних девяти лет уровень мировой безработицы был относительно стабильным. Однако замедление мирового экономического роста повлекло за собой недостаток рабочих мест для размещения новых участников рынка труда. В начале 2020 г. главной причиной стремительного роста безработицы в мире стала пандемия коронавируса COVID-19, охватившая почти все страны. Становится понятным, что пандемия COVID-19 оказывает беспрецедентное воздействие на предприятия всех размеров и типов. Огромное количество предприятий уже прекратили свою деятельность, сократили рабочее время и / или уволили персонал. Многие из них балансируют на грани банкротства. Прежде всего, это касается предприятий торговли, общепита, развлечений, туристической отрасли. По возможности предприятия перешли на дистанционную удаленную работу, часть работников в штате сокращены или отправлены в отпуск без содержания.

Тема имеет весьма актуальное значение не только в рамках конкретного государства, но и в мировом

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

масштабе. S. Goutte, T. Péran и T. Porcher рассматривают роль экономических структурных факторов в показателях смертности от COVID-19. На примере густонаселенного региона Франции (Сен-Дени) учеными сгруппированы факторы по показателям: доход от пособия по безработице, уровень бедности, минимальный социальный доход, наличие или отсутствие диплома об образовании, непригодное жилье, размер домохозяйства, перенаселенность. По мнению авторов, такие факторы являются важными в определении показателей смертности от COVID-19 и могут помочь проинформировать разработчиков государственных программ о роли экономических факторов в борьбе с пандемией [12].

Ученые из КНР анализируют национальный и глобальный статус заражения коронавирусом на основе применения метода сравнения тенденций для прогнозирования точки перегиба и ключевой точки вируса COVID-19 путем сравнения с графиками тяжелого острого респираторного синдрома (SARS) с последующим использованием модели авторегрессионного интегрированного скользящего среднего. Авторы утверждают, что даже если риски и последствия эпидемии останутся значительными, экономика Китая будет продолжать поддерживать устойчивое развитие [13].

Влияние коронавирусной инфекции на экономику США рассматривают M. R. Desjardins, A. Hohl и E. M. Delmelle. Авторы предлагают для своевременного наблюдения за COVID-19 в Соединенных Штатах использовать статистику перспективного пространственно-временного сканирования, что позволит оперативно видеть текущую ситуацию с пандемией и реагировать на возникающие очаги распространения [14].

Некоторое время Италия занимала лидирующие позиции по распространению коронавирусной инфекции. D. G. Lorenzo и D. R. Trolio выясняют причины, способствующие росту заболевания среди местного населения, предлагают меры по недопущению дестабилизации на рынке труда Италии [15].

Исследованием вероятных социальных и экономических последствий пандемии коронавируса COVID-19 для мировой экономики занимаются и отечественные ученые М. Н. Дудин и Н. В. Лясников [16], Н. В. Шавырин [17], А. А. Булдакова [18], А. В. Егоров [19], С. А. Морозов [20] и др. Тем не менее вопросы систематизации и обобщения мер поддержки стран на мировом и отечественном рынке труда недостаточно раскрыты, требуют дальнейших уточнений и размышлений.

Меры поддержки национальной экономики в России и за рубежом

С возникновением пандемии коронавируса COVID-19 пруденциальные и связанные с ними государственные органы ввели ряд социально-экономических и финансовых мер (табл.) [21].

Очевидно, рынок труда и законодательные нормы неодинаковы в разных странах, в связи с чем существенно отличаются и подходы по оказанию поддержки населению и бизнесу. Наиболее широко используемыми инструментам стимулирования национальной экономики в период пандемии являются отсрочки по налогу на прибыль, гарантии по займам и прямое кредитование, субсидии на заработную плату [21]. В условиях, когда распространение пандемии не прекращается, а вакцинация населения не обрела массовый характер, меры поддержки могут быть как усилены, так и ослаблены.

Во многих странах мира используются различные инструменты социальной политики. В Бельгии применяется модель временной безработицы. Механизм используется в периоды экономического спада и / или непредвиденных событий, таких как, например, техногенная

Табл. Меры поддержки различных стран в период пандемии

Tab. Support measures in various countries during the pandemic

Мера / Страна	Австралия	Великобритания	Германия	Израиль	Италия	Китай	Корея	Россия	Сингапур	США	Франция	ЮАР
Обучение / переквалификация	–	–	–	+	–	+	+	–	–	–	–	–
Работа онлайн / цифровизация	–	–	–	–	+	+	+	–	–	–	+	–
Прямое кредитование	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	+
Кредитные гарантии	–	+	+	+	+	–	+	–	+	–	+	–
Аренда / коммунальные услуги / местный налог	+	+	–	+	–	+	–	–	+	–	+	–
НДС	+	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Подоходный / корпоративный налог	+	+	+	+	–	+	–	+	+	+	+	–
Увольнение	+	–	+	+	–	–	–	+	–	–	+	–
Субсидирование заработной платы	+	+	+	+	–	+	+	–	+	+	+	–

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-78-85

авария. Работодатель может использовать модель временной безработицы, полностью приостановив исполнение работниками трудовых договоров или установив систему краткосрочной работы. Модель может распространяться на определенное количество сотрудников.

В Канаде используется программа разделения работы – форма занятости, в рамках которой, как правило, два человека выполняют на условиях сокращенного рабочего дня или частичной занятости работу, ранее выполнявшуюся одним человеком, занятым полный рабочий день.

В Германии и Великобритании действуют программы поддержки дохода лиц, ищущих работу. Правительство Германии таким образом выполняет обязательства по обеспечению минимальных требований к качеству жизни (прожиточного минимума). В Великобритании пособия лицам, ищущим работу, выплачиваются каждые две недели по результатам собеседования в местном центре занятости на основе заявлений соискателей.

В период пандемии в зарубежных странах (как в государствах – членах Организации экономического сотрудничества и развития, так и не являющихся членами этой организации) широко используются схемы краткосрочной работы (*STW – Short-Time Work*). Схемы *STW* предусматривают либо сокращение количества часов, отрабатываемых в течение ограниченного периода времени (например, путем частичного приостановления действия трудового договора), либо временное увольнение (при полном приостановлении действия трудового договора). В обоих случаях трудовой договор сохраняется и не расторгается. Таким образом, *STW* предоставляет работодателям возможность быть гибкими в решении кадровых вопросов в периоды временного экономического спада, не прибегая к увольнениям.

Некоторые страны активно внедряют пакеты стимулирующих мер для защиты своих обществ и экономик и поддержки привлечения денежных средств к рабочим и предприятиям. Обеспечение максимальной эффективности таких мер возможно при сотрудничестве руководства стран с организациями работодателей и профсоюзами в целях выработки практических решений по безопасности людей и защите рабочих мест. Как правило, такие меры включают поддержку доходов, субсидирование заработной платы, налоговые льготы для самозанятых и финансовую поддержку предприятий.

На международном уровне заключаются соглашения по поддержке работников предприятий всего мира, пострадавших в результате негативного влияния пандемии. В духе солидарности и международного сотрудничества Глобальный договор ООН призывает лидеров деловых кругов во всем мире использовать десять принципов в качестве руководства при реагировании на кризис. Являясь крупнейшей в мире инициативой по обеспечению устойчивого развития корпораций, данный договор призывает руководителей предприятий во всем мире объединиться для оказания поддержки работникам, общинам и компаниям, пострадавшим от пандемии COVID-19.

Помимо прочего, договор содержит рекомендации по необходимости обеспечения стабильного сохранения доходов и льгот, несмотря на гибкие условия труда: отсутствие работы из-за болезни, карантина или ухода за больным членом семьи может привести к потере заработной платы или работы. В нем провозглашен призыв применять принципы профилактики и обеспечения безопасной рабочей среды путем ограничения воздействия коронавируса на работника на рабочем месте за счет принятия мер индивидуальной защиты, экологических мер и организации работы (поощрение дистанционной работы и виртуальных встреч), которые могут уменьшить негативное воздействие на окружающую среду, вызванное поездками. Здесь следует упомянуть позицию авторов, подчеркивающих важную роль корпоративных коммуникаций, которые способны обеспечить взаимодействие между сотрудниками организации независимо от сроков их трудоустройства [22, с. 181].

Многие правительства, особенно в странах, где системы здравоохранения финансируются за счет социальных взносов или налогов, увеличивают расходы, чтобы обеспечить доступ к необходимым услугам во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19, в том числе путем включения мер профилактики, тестирования и лечения в пакеты льгот. Южная Корея, например, каждый день проводит тысячи тестов на COVID-19 в финансируемых правительством испытательных центрах для водителей.

Ряд правительств активизировали экономическую поддержку домашних хозяйств и предприятий. В странах Азиатско-Тихоокеанского региона, Ирландии и Великобритании распространили льготы по болезни на находящихся в карантине или самоизолировавшихся работников. Германия и Нидерланды предлагают частичное пособие по безработице работникам, чей рабочий день был сокращен из-за резкого падения спроса. Аналогичным образом Китай, Франция, Португалия и Швейцария расширили право на получение пособия по безработице, включив в него работников предприятий, которым было приказано временно закрыться. Австралия, Китай и Португалия расширили социальную помощь уязвимым слоям населения. Многие страны (Китай, Франция, Таиланд) задерживают сроки выплаты социальных пособий и налогов.

Проблемы роста безработицы в период пандемии

Несоответствие между спросом и предложением рабочей силы выходит за рамки безработицы и приводит к более широкому «недоиспользованию» рабочей силы. В дополнение к общемировому числу безработных (188 млн человек на 1 января 2021 г.) 165 млн человек не имеют достойно оплачиваемой работы, а 120 млн человек отказались от активного поиска работы либо по каким-то причинам не имеют доступа к рынку труда. С учетом этого в общей

сложности безработице подвержены более 470 млн человек во всем мире[1].

Важной проблемой на мировом рынке труда является его неравенство. Применение новых данных и оценок Международной организации труда (МОТ) показывает, что на мировом уровне неравенство доходов выше, чем считалось ранее, особенно в развивающихся странах. Во всем мире доля национального дохода, приходящаяся на рабочую силу, существенно сократилась в период с 2004 г. по 2018 г. с 54 % до 51 %. Данное экономически значимое падение было наиболее выражено в Европе, Центральной Азии, Северной и Южной Америке. На начало 2021 г. бедность среди работающих, определяемая как доход менее 3,2 долларов США в день в пересчете на паритет покупательной способности, затрагивает более 630 млн работников, т. е. каждого пятого, работающего в мире.

Другая проблема – неравенство, определяемое полом, возрастом или географическим положением – неизменно остается одной из главных характеристик современного мирового рынка труда, что также ограничивает общий экономический рост. В частности, 267 млн человек в 2020 г. приходилось только на молодых людей в возрасте 15–24 лет, которые не имеют работы, образования или профессиональной подготовки [23].

В современных условиях на мировой рынок труда оказывают влияние ужесточение торговых ограничений и протекционизма, неэффективная кадровая политика, неудовлетворенность условиями работы и жизни во многих странах мира [24; 25]. Государство должно обеспечить, чтобы предприятия как источник дохода для миллионов рабочих могли продолжать работу во время кризиса. Для этого нужны специальные меры для наиболее уязвимых работников. К таким следует отнести категорию самозанятых, занятых неполный рабочий день и временно занятых, многие из которых не имеют возможности на получение пособия по безработице или медицинского страхования.

Как отмечают эксперты МОТ, во всем мире системы социальной защиты катастрофически не справляются с обеспечением жизни и средств к существованию уязвимых групп населения. Почти 40 % населения земного шара не имеют медицинской страховки или доступа к национальным медицинским услугам. Около 800 млн человек ежегодно тратят на здравоохранение не менее 10 % своего семейного бюджета, а 100 млн человек впадают в нищету из-за медицинских расходов. Это означает, что многим просто не хватает средств, чтобы обратиться за лечением, когда они больны, в том числе такими заболеваниями, как COVID-19.

Проблема усугубляется тем, что подавляющему большинству работников не хватает экономической безопасности, чтобы взять отпуск по болезни или справиться с неожиданной чрезвычайной ситуацией. Поскольку менее чем в двух третях всех стран действует система социального страхования и / или социальной помощи, предоставляющая пособия по болезни, больные часто вынуждены выбирать между угрозой для личного и общественного здоровья и оплатой своих счетов.

Не удивительно, что некоторые меры защиты от безработицы могут быть неэффективны, несмотря на их решающую роль в поддержании доходов домашних хозяйств и стабилизации совокупного спроса. Уже сейчас предприятия, зависящие от поставщиков в затронутых вспышкой регионах или сталкивающиеся со снижением спроса из-за блокировок и других мер сдерживания, испытывают огромное давление. Сотни тысяч рабочих мест находятся под угрозой. Вместе с тем только один из пяти безработных во всем мире может рассчитывать на пособие по безработице.

По оценкам ООН, число безработных в мире может увеличиться до 25 млн человек к показателям МОТ за 2020 г., а потери доходов трудящихся могут увеличиться до 3,4 трлн долларов США. Однако становится ясно, что эти цифры могут не в полной мере иллюстрировать масштабы воздействия пандемии. ООН предупреждает, что для поддержки развивающихся стран в период кризиса необходимо 2,5 трлн долларов. Благотворительная группа *Oxfam* считает, что рецессия, вызванная COVID-19, может привести к бедности 8 % населения мира, или 500 млн человек, если не будут приняты срочные меры. Наибольшая доля бедного населения (в результате влияния COVID-19) сконцентрирована на территории Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона (239,8 млн человек). Большое число бедных проживают в Южной Азии – 128,8 млн человек; Латинской Америке и странах Северной Америки – 54,3; на Ближнем Востоке и в Северной Африке – 44,9; в Африке к югу от Сахары – 44,6; в Европе и Центральной Азии – 30,5; на другие территории приходится 4,7 млн человек[2].

В нашей стране рост безработицы идет стремительными темпами. Из-за введенного в конце марта 2020 г. режима самоизоляции многие компании вынуждены были увольнять сотрудников. Только на середину апреля 2020 г. третья часть трудоспособного населения была отправлена в неоплачиваемый отпуск, что при длительном продолжении пандемии могло грозить увольнением. Невостребованными оказались услуги работников питания, индустрии спорта и развлечений. Даже после отмены карантина не все предприятия малого и среднего бизнеса смогли сразу возобновить работу. По прогнозам, в период кризиса, вызванного в России пандемией,

[1] Insufficient paid work affects almost half a billion people, new ILO report shows // ILO. 20.01.2020. Режим доступа: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_734454/lang--en/index.htm (дата обращения: 21.11.2020).

[2] McCarthy N. Covid-19 could push half a billion people into poverty // Statista. 09.04.2020. Режим доступа: https://www.statista.com/chart/21382/poverty-levels-due-to-a-coronavirus-recession/ (дата обращения: 13.01.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-78-85

число безработных может увеличиться с 2,5 млн человек до 8 млн человек. Ожидается, что перезапуск экономики, рост спроса и потребления, а значит, и снижение уровня безработицы начнется лишь в конце 2021 г. – первом полугодии 2022 г.

Несмотря на то, что Правительство РФ стремится к недопущению резкого увеличения безработицы, по предварительным данным Росстата, численность безработных в нашей стране за 2020 г. составила около 4,3 млн человек, что на 24,7 % выше показателя за 2019 г.[3] Однако позиции экспертов отличаются от официальной статистики. В докладе Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования указано:

- при оптимистичном сценарии уровень безработицы должен составить 5,3–5,6 %. Реальные зарплаты начнут расти на 0,5–0,7 % в 2021 г. и выйдут на устойчивый прирост в 2,3–2,7 % в 2023 г.;
- базовый сценарий предполагает, что безработица вырастет до 8–8,3 % в 2021 г. и до 7–7,3 % в 2022–2023 гг. Реальные зарплаты выйдут на темпы роста в 2,2–2,5 % только в 2023 г.;
- в пессимистичный сценарий заложено, что пандемия затянется до первого квартала 2022 г. Это вызовет глубокий шок мировой экономики с беспрецедентным падением мирового ВВП на 5–5,2 %. В таком случае безработица в России вырастет до катастрофических 10,5–10,7 %, причем острота проблемы сохранится даже в 2023 г. с уровнем в 9–9,5 %. Реальные зарплаты должны упасть на 1,7–2 % в 2021 г., рост на 2–2,5 % ожидается в 2023 г.[4]

Профессор А. Л. Сафонов отмечает, что в России уже было как минимум три кризиса с массовым увольнением работников: 1995–1996 гг., 1998–1999 гг. и 2008 г. В последнем кризисе безработица уже достигала 8 %[5]. Насколько может затянуться состояние повышенного уровня безработицы – вопрос открытый. В этот кризис безработица будет ощущаться острее, потому что доля занятых в малом и среднем бизнесе выросла, а в госсекторе, который всегда был «островком стабильности», наоборот, сократилась.

Заключение

Большая часть стран мира в связи с распространением COVID-19 поменяли направление своих политических курсов, что, безусловно, позитивно отразилось на общей социально-экономической политике, ставшей не декларативной, а реальной в рамках поддержки и оказания помощи гражданам своих государств [21]. Определить степень влияния коронавируса на мировую экономику и мировые финансы возможно будет на основании того, как быстро странам удастся не допустить массового заболевания населения, и того, как быстро наладится производство вакцин и процедура вакцинации населения. Здесь следует учесть и объемы экономической помощи, которую государственные и финансовые органы будут готовы распределить во время пандемии и, что более важно, после нее.

Влияние COVID-19 гораздо более широко распространено, чем влияние традиционных чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения или экономических спадов, затрагивающих многие отрасли и страны мира [26]. Вспышка атипичной пневмонии в 2003 г., в результате которой было инфицировано около 8 тыс. человек и погибло 774 человека, обошлась мировой экономике примерно в 50 млрд дол. Вспышка ближневосточного респираторного синдрома в Южной Корее в 2015 г. заразила 200 человек и убила 38, но привела к предполагаемым затратам в размере 8,5 млрд долларов. Уже сейчас эпидемия коронавируса имеет больший экономический эффект, чем любой из ее предшественников.

Именно в такое время остро нуждаются в поддержке сегменты малого и среднего предпринимательства. Доля малого и среднего бизнеса в ВВП развитых стран составляет 50–60 %: в Великобритании – 51 %, в Германии – 53 %, в Финляндии – 60 %, в Нидерландах – 63 %[6]. В российской экономике доля малого и среднего бизнеса составляет 25,6 % (более 18 млн россиян). Самая высокая занятость зафиксирована в сфере торговли – 31,4 % сотрудников. Почти 15 % бизнесов приходится на обрабатывающие производства, 10 % – на строительство, т. е. те сферы, которые относятся к одним из наиболее пострадавших от пандемии[7].

Глобальный кризис, вызванный коронавирусом COVID-19, заставил многих экономических аналитиков делать мрачные прогнозы относительно финансового мира. В лучшем случае в 2021 г. денежная потеря глобального ВВП, как ожидается, составит около 76,7 млрд долларов из-за вспышки COVID-19. В худшем случае, определяемом как шестимесячный срок действия запрета на поездки, мировой ВВП потеряет около 346,98 млрд долларов.

[3] Трудовые ресурсы // Росстат. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labour_force?print=1 (дата обращения: 23.01.2021).

[4] Белоусов Д. Р., Сальников В. А., Солнцев О. Г., Пенухина Е. А., Михайленко К. В., Шабанова Ю. Р., Апокин А. Ю. О среднесрочном прогнозе развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможного кризиса мировой экономики. М.: ЦМАКП, 2020. 26 с.

[5] Агеева О. Экономисты описали сценарий «катастрофической» безработицы в России // РБК. 04.06.2020. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/04/06/2020/5ed7ed119a79472ac1831b6a?from=from_main (дата обращения: 28.01.2021).

[6] Форост Е. Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и мир // Институт экономики роста им. Столыпина П. А. 27.07.2018. Режим доступа: https://stolypin.institute/novosti/sektor-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-rossiya-i-mir/ (дата обращения: 13.01.2021).

[7] Рынок труда, занятость и заработная плата // Росстат. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 25.01.2021).

Считаем, что в текущей ситуации на мировом рынке труда главам и правительствам государств необходимо совместными усилиями разработать наиболее приемлемую стратегию, которая способствовала бы более «гладкому» преодолению сложившихся обстоятельств. В основе такой стратегии должны быть учтены следующие аспекты:

- макроэкономическая (фискальная и денежно-кредитная) политика, направляющая государственные расходы на предоставление субсидий для трудоустройства или гарантий населению. Здесь главное не допустить опыт США, где местное население, лишившись работы по причинам, связанным с коронавирусом, продолжает дополнительно получать 600 долларов в неделю. Это обстоятельство позволило малообеспеченным американцам, не имеющим достойного официального заработка, уволиться и встать на учет в центры занятости;
- расширение активной поддержки рынка труда и доступа к услугам по трудоустройству с целью обеспечения готовности к работе и качественного перехода населения с одного рабочего места на другое;
- активная государственная поддержка молодых людей в возрасте 25–35 лет, которые уже второй раз сталкиваются с глобальным экономическим кризисом. В ряде случаев молодые люди такого возраста потеряли возможность осуществить свои цели и мечты в 2020 г. и имеют высокие шансы попасть в наиболее уязвимую группу при последующих экономических потрясениях;
- интеграция политики таргетирования и профилирования, чтобы государственные и частные меры реагирования на кризис охватывали наиболее пострадавшую часть населения (к примеру, людей с родительскими обязанностями и тех, кто относится к профессиональным категориям, охватывающим сферу услуг).

Мировой рынок труда характеризуется отсутствием достойной работы в сочетании с растущей безработицей и сохраняющимся неравенством, что все больше является фактором снижения уровня жизни. Наиболее важной проблемой, ставшей причиной стремительного роста безработицы в мире стала пандемия COVID-19, которая распространилась на территориях почти всех стран мира. Правительства государств принимают меры по поддержке незащищенных слоев населения, в частности безработных. Эти меры при своевременном принятии должны оказать влияние на текущую ситуацию в мире. Чем быстрее завершится период пандемии, тем быстрее появятся рабочие места, откроются предприятия малого бизнеса, активизируются спрос и предложение.

Литература

1. Давыденко Т. А., Кондаков М. В. Последствия безработицы и факторы, влияющие на них // Научный результат. Экономические исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 35–43. DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-3-0-4
2. Marglin S. A. Investment and interest: a reformulation and extension of Keynesian theory // The Economic Journal. 1970. Vol. 80. Iss. 320. P. 910–931. DOI: 10.2307/2229905
3. Mishan E. J. Economic myths and the mythology of economics. London: Routledge, 2012. 229 p.
4. Масгрейв Р. А., Масгрейв П. Б. Государственные финансы: теория и практика / под общ. ред. Т. Г. Нестеренко, Р. Е. Артюхина, В. Д. Дзгоева. М.: Бизнес Атлас, 2009. 716 с.
5. Блауг М. Стиглиц, Джозеф Э. // 100 великих экономистов после Кейнса / под ред. М. А. Сторчевого. СПб.: Экономическая школа, 2009. С. 286–288.
6. Afanasyev M. P., Shash N. N. Microeconomic effects of growing public debt on the Russian economy // Public Administration Issues. 2016. No. 5. P. 46–59. DOI: 10.17323/1999-5431-2016-0-5-46-59
7. Берездивина Е. В. Оценка деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 3. С. 23–37.
8. Сивашева Н. М. Пути повышения эффективности расходов государственного бюджета: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2005. 26 с.
9. Хатри Г. П. Мониторинг результативности в общественном секторе / пер. с англ. И. Л. Толстовой. М.: Фонд «Институт экономики города», 2005. 273 с.
10. Смирнов С. Н. Контекст социальных трансформаций в постсоветские годы: экономическая, институциональная и демографическая динамика // Мир России. 2016. Т. 25. № 3. С. 6–36.
11. Sidorina T. Iu. Globalization and the neo-liberal trend jeopardizes basic social institutions // Democracy, Power and Territories / ed. F. Sacca. Milano: Franco Angeli, 2018. P. 87–102.
12. Goutte S., Péran T., Porcher T. The role of economic structural factors in determining pandemic mortality rates: evidence from the COVID-19 outbreak in France // Research in International Business and Finance. 2020. Vol. 54. DOI: 10.1016/j.ribaf.2020.101281
13. Yue X. G., Shao X. F., Li R. Y. M., Crabbe M. J. C., Mi L., Hu S., Baker J. S., Liu L., Dong K. Risk prediction and assessment: duration, infections, and death toll of the COVID-19 and its impact on China's economy // J. Risk Financial Manag. 2020. Vol. 13. Iss. 4. DOI: 10.3390/jrfm13040066

14. Desjardins M. R., Hohl A., Delmelle E. M. Rapid surveillance of COVID-19 in the United States using a prospective space-time scan statistic: detecting and evaluating emerging clusters // Applied Geography. 2020. Vol. 118. DOI: 10.1016/j.apgeog.2020.102202
15. Lorenzo D. G., Trolio D. R. Coronavirus disease (COVID-19) in Italy: analysis of risk factors and proposed remedial measures // Front. Med. 2020. Vol. 7. DOI: 10.3389/fmed.2020.00140
16. Дудин М. Н., Лясников Н. В. Вероятные социальные и экономические последствия пандемии коронавируса COVID19 // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 2. С. 60–71.
17. Шавырин Н. В. Коронавирус и мировая экономика – на пороге глобальной катастрофы // Вестник научных конференций. 2020. № 2-2. С. 120–123.
18. Булдакова А. А. Влияние коронавируса на экономику России // Вестник научных конференций. 2020. № 2-2. С. 32–34.
19. Егоров А. В. Экономика эпидемий // Банковское дело. 2020. № 3. С. 7–11.
20. Морозов С. А. Каким будет ущерб от вспышки коронавируса для глобальной экономики? // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 8. С. 456–458.
21. Козликов С. П. Государственная политика в период пандемии: отечественный и зарубежный опыт // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 6. С. 117–124.
22. Токарева Ю. А., Суворкова Ю. Е. Роль корпоративных коммуникаций в стимулировании персонала в условиях срочных трудовых отношений // International Journal of Medicine and Psychology. 2019. Т. 2. № 4. С. 178–181.
23. Schöberl-Flomail C., Stadler M., Schmoll A. Zukunft Gemeinsam Gestalten // Die Bank. 2015. No. 6. P. 52–54.
24. Алекина Е. В. Модель формирования затрат на улучшение условий труда // Russian Economic Bulletin. 2019. Т. 2. № 6. С. 62–66.
25. Батырева М. В., Селезнева Т. А. Удовлетворенность населения условиями жизни в городе как фактор формирования его образа // Russian Economic Bulletin. 2019. Т. 2. № 6. С. 290–296.
26. Лев М. Ю., Лещенко Ю. Г. Экономическая безопасность в системе здравоохранения в период пандемии COVID-19: ответная реакция государств и финансовых органов // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 6. С. 1857–1884. DOI: 10.18334/epp.10.6.110511

original article

Curbing the Unemployment in Modern Conditions: State Response

Salikhbek G. Abdulmanapov
Dagestan State University of National Economy, Russia, Makhachkala

Zaur U. Medzhidov
Dagestan State University of National Economy, Russia, Makhachkala
Zaur-medzhidov@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6008-1661

Received 18 Jan 2021. Accepted 17 Feb 2021.

Abstract: Socio-economic stability, good living standards, and low unemployment are the key aspects of the state development strategy in modern economic conditions. They have a direct impact on the national competitiveness and security. The current pandemic and global economic crisis made it important to curb the growing unemployment and protect the unemployed population. The study featured the global labor market with its structural and economic relations, trends and patterns. The research objective was to identify the potential problems of unemployment growth and provide recommendations for their localization and leveling. The authors analyzed the forecasts made by Russian and international experts about the state of the global labor market during the pandemic, assessed its features and main trends, studied the consequences of the COVID-19 pandemic on the unemployment rate, and systematized measures of social support for unemployed population in different countries. The paper introduces some measures that can prevent the growth of global unemployment.

Keywords: global labor market, social support for the unemployed, unemployment rate, crisis, anti-crisis measures, pandemic, coronavirus, COVID-19

Citation: Abdulmanapov S. G., Medzhidov Z. U. Curbing the Unemployment in Modern Conditions: State Response. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 78–85. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-78-85

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

References

1. Davydenko T. A., Kondakov M. V. Effects of unemployment and factors affecting them. *Research Result. Economic research*, 2019, 5(3): 35–43. (In Russ.) DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-3-0-4
2. Marglin S. A. Investment and interest: a reformulation and extension of Keynesian theory. *The Economic Journal*, 1970, 80(320): 910–931. DOI: 10.2307/2229905
3. Mishan E. J. *Economic myths and the mythology of economics*. London: Routledge, 2012, 229.
4. Musgrave R. A.,Musgrave P. B. *Public finance: theory and practice*, eds. Nesterenko T. G., Artiukhin R. E., Dzgoev V. D. Moscow: Biznes Atlas, 2009, 716. (In Russ.)
5. Blaug M. *Great economists since Keynes: an introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past*, ed. Storchevoi M. A. St. Petersburg: Ekonomicheskaia shkola, 2009, 286–288. (In Russ.)
6. Afanasyev M. P., Shash N. N. Microeconomic effects of growing public debt on the Russian economy. *Public Administration Issues*, 2016, (5): 46–59. DOI: 10.17323/1999-5431-2016-0-5-46-59
7. Beresdivina E. V. Assessment of the performance of supervisory bodies of the executive power. *Public Administration Issues*, 2011, (3): 23–37. (In Russ.)
8. Sivasheva N. M. *Ways to improve the efficiency of state budget expenditures*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2005, 26. (In Russ.)
9. Hatry H. P. *Performance measurement: getting results*, tr. Tolstova I. L. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda", 2005,
273. (In Russ.)
10. Smirnov S. N. The context of social transformations in the post-Soviet years: economic, institutional and demographic dynamics. *Mir Rossii*, 2016, 25(3): 6–36. (In Russ.)
11. Sidorina T. Iu. Globalization and the neo-liberal trend jeopardizes basic social institutions. *Democracy, Power and Territories*, ed. Sacca F. Milano: Franco Angeli, 2018, 87–102.
12. Goutte S., Péran T., Porcher T. The role of economic structural factors in determining pandemic mortality rates: evidence from the COVID-19 outbreak in France. *Research in International Business and Finance*, 2020, 54. DOI: 10.1016/j. ribaf.2020.101281
13. Yue X. G., Shao X. F., Li R. Y. M., Crabbe M. J. C., Mi L., Hu S., Baker J. S., Liu L., Dong K. Risk prediction and assessment: duration, infections, and death toll of the COVID-19 and its impact on China's economy. *J. Risk Financial Manag.*, 2020, 13(4). DOI: 10.3390/jrfm13040066
14. Desjardins M. R., Hohl A., Delmelle E. M. Rapid surveillance of COVID-19 in the United States using a prospective space-time scan statistic: detecting and evaluating emerging clusters. *Applied Geography*, 2020, 118. DOI: 10.1016/j. apgeog.2020.102202
15. Lorenzo D. G., Trolio D. R. Coronavirus disease (COVID-19) in Italy: analysis of risk factors and proposed remedial measures. *Front. Med.*, 2020, 7. DOI: 10.3389/fmed.2020.00140
16. Dudin M. N., Lyasnikov N. V. The likely social and economic consequences of the coronavirus pandemic COVID19. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiia. Kultura*, 2020, (2): 60–71. (In Russ.)
17. Shavyrin N. V. Coronavirus and the world economy: on the verge of a global catastrophe. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2020, (2-2): 120–123. (In Russ.)
18. Buldakova A. A. Impact of coronavirus on the Russian economy. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2020, (2-2): 32–34. (In Russ.)
19. Egorov A. V. Economics of epidemics. *Bankovskoe delo*, 2020, (3): 7–11. (In Russ.)
20. Morozov S. A. How hard will the outbreak of coronavirus damage the global economy? *Nauchnyi elektronnyi zhurnal "Meridian"*, 2020, (8): 456–458. (In Russ.)
21. Kozlikov S. P. Public policy during the pandemic: domestic and foreign experience. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniia*, 2020, (6): 117–124. (In Russ.)
22. Tokareva Yu. A., Suvorkova Yu. E. The role of corporate communications in the promotion of staff under fixed-term employment relationship. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2019, 2(4): 178–181. (In Russ.)
23. Schöberl-Flomail C., Stadler M., Schmoll A. Zukunft Gemeinsam Gestalten. *Die Bank*, 2015, (6): 52–54.
24. Alekina E. V. Forming costs model for improving labor conditions. *Russian Economic Bulletin*, 2019, 2(6): 62–66. (In Russ.)
25. Batyreva M. V., Selezneva T. A. Population satisfaction with the living conditions in the city as a factor of formation of the city image. *Russian Economic Bulletin*, 2019, 2(6): 290–296. (In Russ.)
26. Lev M. Yu., Leshchenko Yu. G. Economic security in the health system during the COVID-19 pandemic: response of states and financial authorities. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, 10(6): 1857–1884. (In Russ.) DOI: 10.18334/epp.10.6.110511